

Доктор юридических наук, профессор, специалист в области гражданского права, заслуженный юрист Российской Федерации; заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковleva, директор Уральского Филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Автор более 300 научных трудов по актуальным проблемам гражданского права, в том числе ряда монографий. Награжден медалью Министерства юстиции РФ имени А.Ф. Кони (2001).

На вопросы редакции отвечает
профессор УрГЮУ
доктор юридических наук
Бронислав Мичиславович ГОНГАЛО

ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ПРИОРИТЕТ ПОКА ОТДАЕТСЯ СКОРОСТИ РАССМОТРЕНИЯ

— Начать разговор предлагаем с обсуждения процессуальных сроков. Насколько они достаточны, требуется ли их менять?

— У нас процессуальные сроки довольно короткие, и сделано это было в целях обеспечения возможности людей быстро защитить свои права. Поскольку, как говорится, за все в жизни надо платить, у такого решения есть и негативные последствия в виде нагрузки на судебную систему. Да, можно увеличить эти сроки, но есть дела, которые требуют незамедлительного рассмотрения, например о разводе. Не могут такие дела длиться годами. Конечно, есть споры, которые надо рассматривать основательно. Но пока приоритет отдается скорости защиты, чтобы граждане могли получить результат рассмотрения дела как можно раньше.

— Зачем нам такая спешка в судебной защите? Может быть, необходимо дифференцировать

сроки в зависимости от вида или содержания спора?

— Я согласен, что можно было бы ввести дифференцированный подход к срокам, но тут возникает риск субъективизма. В начале необходимо сформулировать четкие критерии, чтобы исключить ситуации, при которых судья будет определять срок для рассмотрения дела самостоятельно.

— **Почему мы не можем доверить решение этого вопроса судьям? Например, в Англии судья имеет широкую свободу усмотрения относительно того, какие дела, в каком порядке и в какие сроки рассматривать. И, как известно, английские суды являются привлекательным местом для разрешения споров. У нас же суды вынужденно торопятся, им некогда писать решения качественно.**

— Я считаю, должна быть создана система. Суды тоже люди, и они разные. Эффективность работы системы не должна зависеть от субъективных интересов и качеств. Мы же не доверяем водителям и требуем от них соблюдения правил дорожного движения вне зависимости от индивидуальных особенностей каждого из них. Да, дела бывают разные и могут требовать различного подхода, но я все же за то, чтобы подход был системный. Вот, например, зачем судам рассматривать бесспорные дела, допустим о взыскании задолженности по квартплате или налогом? Пусть нотариусы этим занимаются, тем более что они отвечают своим имуществом за свои решения. Суд нужен там, где есть спор. Возьмем еще медиацию, хоть я и небольшой ее поклонник, но, если она будет способствовать разрешению споров, пусть будет. Хотя медиация — дело тонкое. Бывший судья не сможет стать хорошим медиатором, я думаю, так как у него сформировалось определенное мышление, направленное на разрешение спора, а не на создание условий для того, чтобы стороны договорились.

Мы всегда сбиваемся на какие-то отдельные вопросы, а изменения должны быть системными, несмотря на то что от субъективизма никуда не деться, но нужно стараться его контролировать.

— **А как, на Ваш взгляд, у нас обстоят дела со сроками исковой давности?**

— На практике, как известно, сейчас эти сроки размыкаются, когда начинают оспаривать сделки,

приватизационные например, совершенные очень давно, лишь на том основании, что пострадавшим является государство или муниципальные образования. Обосновывается это тем, что они только недавно узнали о нарушении своих прав. На мой взгляд, это неправильно и поощряет халатное отношение чиновников к своим обязанностям. При этом коррупционные преступления и их последствия нужно выделять в отдельную группу дел и сроки давности по ним должны считаться специальным образом, о чем, собственно, и сказал Конституционный Суд. Но в остальных случаях установленные сроки давности должны соблюдаться неукоснительно.

Но многие оправдывают такой подход тем, что защищаются публичные интересы, т.е. интересы народа. Да, общие интересы важны, но не менее важны интересы конкретного человека. С точки зрения ст. 124 ГК РФ публично-правовые образования вступают в гражданские правоотношения с физическими и юридическими лицами на равных, но вдруг оказывается, что первые равнее последних. Мне такой подход не нравится, ни как человеку, ни как правоведу. Коррупционные преступления и их последствия вообще не должны быть предметом для обсуждения с позиций гражданского права. Там и сроки должны быть другими, и сроками давности их называть неправильно.

— **А если имущество изымают у добросовестного приобретателя, получившего его в результате цепочки сделок?**

— Это возмутительно. У нас есть ст. 302 ГК РФ, которая предлагает хоть и не идеальное решение, но меньшее из зол. Если добросовестный субъект приобрел имущество возмездно, но вещь выбыла из владения собственника помимо воли, то мы ее возвращаем собственнику, рассчитывая, что приобретатель может потребовать компенсации у фактического продавца. Но если речь идет о цепочке сделок или выбытии имущества по воле собственника (а в случае с государственными органами такая воля оформляется в виде каких-то распорядительных актов), то добросовестный приобретатель никак не должен отвечать за последствия сделки, о которой он даже не знал. Он ничего противозаконного не делал, почему он должен нести ответственность за другого?

— Можно вспомнить дело Соликамского завода, где по основанию незаконной приватизации пытаются лишить акций миноритариев, которые купили их на бирже. Если эта практика не будет прекращена, то тенденция может приобрести зловещий характер.

— Относительно зловещей тенденции я бы сказал так: право всегда работает хорошо, когда есть стабильность, когда порядок, когда в обществе всё пристойно. Но периодически происходят какие-то сбои в обществе, и тогда право начинает работать неправильно. Причем я имею в виду не отдельно взятое государство, а мир целом. Взять, например, санкции, когда у кого-то отнимают личное имущество, машины и т.п. только потому, что человек имеет определенное гражданство и т.д. Это крах права, на мой взгляд.

— Да. Причем происходит он и на Западе тоже, по всей видимости. Потому что в результате ареста, заморозки активов, государственных и частных, от права собственности ничего не осталось. А ведь Европа и США так гордились тем, что стоят на страже неприкосновенности права собственности.

Возвращаясь к восстановлению сроков, не кажется ли Вам, что суды слишком охотно восстанавливают пропущенные сроки? Не слишком ли много субъективного усмотрения в этом вопросе у судов, ведь оценка уважительности пропуска срока — оценочное понятие?

— В советское время нормы, предполагающие оценочные понятия, называли каучуковыми и мы гордились тем, что в отличие от Запада у нас таких нет. На самом деле без оценочных норм прожить невозможно. Оценочные нормы будут всегда. В гражданском праве есть и разумность, и достаточность оснований, и соизмерность. Это все оценочные явления. А раз есть такие нормы, то всегда будет открыта широкая дорога к судебскому усмотрению. Вот И.А. Покровский был противником судебного усмотрения, опасался, что оно может перерастти в судебный произвол. Когда речь идет о восстановлении пропущенного срока, мне кажется, скорее надо говорить о справедливости, а не о правовых категориях. Судья оценивает, справедливо ли отказать в восстановлении срока или нет. Такое решение создает определенные правовые последствия.

А в основании этого решения и правовых последствий лежит наше представление о добре и зле. С этой точки зрения в законе невозможно прописать все основания для восстановления срока, чтобы исключить субъективизм судьи, так как жизнь богаче любой теоретической конструкции.

— Да, но часто бывает так, что Верховный Суд указывает примерный перечень причин и оснований, уважительных причин для восстановления срока, а суды воспринимают его буквально, как закрытый перечень, как инструкцию, хотя ВС РФ вовсе не имел это в виду.

— Это вполне естественно и понятно, это психология. Если я как судья буду опираться строго на то, что сказал Верховный Суд, то и ответственности у меня никакой, тем более что решение суда могут отменить в вышестоящей инстанции.

— Согласны ли Вы с тем, что у нас в судебной системе проверочных инстанций слишком много? Не свидетельствует ли это о том, что хоть у нас суд и быстрый, но некачественный, и поэтому приходится за ним все время проверять? Получается, что хотя процессуальные сроки у нас небольшие, но за счет большого количества инстанций они могут значительно увеличиться. Иногда дела и годами тянутся.

— Да, инстанций у нас многовато. Вот еще Конституционный Суд буквально стал чуть ли не конкретные дела рассматривать вместо проверки конституционности нормы. В свое время Вениамин Федорович Яковлев превратил Высший Арбитражный Суд в некий методический центр, где работало множество кандидатов и докторов наук, проводилось много совещаний, конференций, постоянное обучение судей шло. Я в начале не понял его идею, меня даже удивлял такой его подход, так какказалось, что тем самым он ослабляет роль высшей судебной инстанции. На самом деле было ровно наоборот, это позволяло сокращать ошибки в нижестоящих инстанциях.

— Как Вы относитесь к повышению судебных пошлин? Правильно ли это было сделано?

— Я часто у студентов спрашиваю, кто любит платить налоги. И еще ни разу не услышал положитель-

ный ответ на этот вопрос. Естественно, повышение пошлин людям не нравится. Я вот сейчас подумал, а выросли ли пошлины у нотариусов? Кажется, нет. С одной стороны, это, видимо, обусловлено тем, что суды — это государственный институт, а нотариусы частный. С другой стороны, нотариусов часто упрекают в том, что они дорого берут за техническую работу, но нотариусы за счет этого дохода живут и несут ответственность, а суды — нет. При этом надо обратить внимание, что суды финансируются государством, т.е. за наш счет, и пошлину мы тоже платим. Инфляцию, конечно, тоже нельзя не учитывать. Возможно, увеличение пошлины немножко и сократит ряды желающих судиться, но вряд ли это сокращение будет значимым. Вместе с тем совсем отменять пошлину, как во Франции, например, я бы не стал. Мне кажется это неправильно.

Я вспоминаю, в студенческие времена профессор Юрий Кузьмич Осипов рассказывал историю, что в один дед всем давал взаймы по мелочи, но с каждого брал расписку. Ему, конечно, деньги не возвращали, и он радостно бежал в суд, ведь надо же ему было чем-то заниматься. Если совсем отменить пошлины и сделать доступ в суд абсолютно открытym, это ни к чему хорошему, по моему мнению, не приведет.

Повторюсь, что необходим системный подход к изменениям, учитывающий и экономику, и психологию, а мы, в частности, упираемся обычно.

— Недавно внесли изменение в Бюджетный кодекс, в результате чего судебные решения за счет бюджета могут не исполняться, если на это не заложены средства. Как Вы относитесь к этому изменению закона?

— Мне категорически не нравится эта норма. Решение суда должно быть обязательно для всех. Мы уже такой опыт проходили, когда в начале 1990-х в Закон о собственности было записано, что если гражданин лишился имущества в результате преступления, то он имеет право на компенсацию стоимости утраченного за счет бюджета. Но каждый год в Закон о бюджете включалась строка, приостанавливающая действие этой нормы Закона о собственности на следующий год. Фактически это решение продиктовано желанием освободить бюджет от ответственности.

— Как Вы считаете, можно ли нашу судебную практику назвать единообразной?

— Вначале надо определиться, что мы понимаем под единообразной практикой. Если по всей стране все суды определенные дела решают одинаково и какой-то один судья решил иначе, то единообразие сохраняется? Вот у нас есть в округе научно-консультативный совет, в рамках которого мы обсуждаем подходы, существующие для решения схожих дел, и пытаемся выработать оптимальное общее решение. Может быть, вообще слово «единообразие» не стоит применять к этой практике. Скорее речь идет о договоренности о том, какой подход наиболее соответствует закону.

— Так все-таки, есть у нас единообразие практики или нет?

— Я скажу, что у нас нет единообразия практики в общем смысле: в каких-то сферах оно есть, а в каких-то нет. Вот, например, когда был принят Жилищный кодекс, то ст. 31 предусматривала, что бывший член семьи подлежал выселению. И когда обсуждали проект этой нормы, то основной акцент делался на том, что при такой формулировке выселить можно будет ребенка в случае развода родителей. Мне тогда казалось, что не может такого быть, чтобы ребенок признавался бывшим членом семьи, но судебная практика единообразно пошла именно по пути признания возможности выселения ребенка вместе с бывшим супругом. И остановилась эта единообразная волна практики только после выступления Д.А. Медведева в 2007 году, когда он с экрана телевизора возмутился таким подходом судов. Получается, что единообразие не всегда хорошо, ведь может складываться и порочная единообразная практика.

— Вы уже в целом ответили, что бесспорные дела вроде взыскания сумм задолженности по квартплате не должны рассматриваться судами. Кому лучше передать их рассмотрение? Нотариусам?

— Кто-то из великих говорил, что лучше суда для разрешения споров нет. Я не понимаю, зачем суд, если спора нет. Думаю, в этом направлении нужны изменения и лучше нотариата с этими делами вряд ли кто справится. Если нотариус выявит спор, то он отправит стороны в суд. Зачем ему связываться, когда

он отвечает своим имуществом? Медиация, наверное, тоже может быть в этих вопросах полезной, но она у нас слабо развивается, и лично я в нее не очень верю, так как это вещь тонкая, построенная на психологии и вряд ли она может иметь широкое распространение. А вот если расширить функции нотариата, дать ему больше прав и ответственности, то он, думаю, с этими делами справится.

— Насколько известно, сейчас планируется реформа нотариата. Как Вы считаете, нужна ли она? Не приведет ли такое расширение полномочий нотариата к желанию усилить контроль за его деятельностью со стороны государства?

— Желание контролировать существует само по себе. Не думаю, что увеличение полномочий нотариусов это желание усилит. На самом деле лучший контроль за нотариусом — это его интерес и интересы клиентов. Много ли нотариусов у нас возмещает вред гражданам через суд? Нет, и отнюдь не потому, что нарушений мало, а потому что нотариусу выгоднее договориться, чем судиться. Он рискует и репутацией, и лицензией. Сейчас лицензии нотариуса можно лишить через суд. Если эту функцию возьмет на себя Минюст, то это снизит гарантии независимости нотариусов и качество их работы. На первый законопроект по внесению изменений в основы законодательства о нотариате УрГЮУ дал отрицательное заключение. Больше к нам не обращались.

Я считаю, что для государства большая удача, что такая эффективная система нотариата в том виде, как она сейчас существует (на полном самообеспечении, саморегулировании и ответственности), сложилась без какого-либо финансового участия государства. Кроме того, оно еще и экономит на государственных нотариусах.

При этом странно слышать, когда говорят, что ответственность нотариуса надо повысить, а тарифы понизить. За счет чего он ответственность-то будет нести? Начнутся просто массовые банкротства нотариусов.

— Вы много занимались жилищным правом. Какие бы основные проблемы в этой сфере права Вы сейчас отметили?

— Да, когда-то мне действительно нравилось заниматься жилищным правом. Сейчас бы я назвал его

уходящей любовью. У нас была система жилищного права, но ЖКК РФ в нынешнем виде — дитя своего времени. Разрабатывать его начали еще в 1994 году, а приняли только в 2004-м, через десять лет. В нем оставалось что-то из советского права, но он носил системообразующий характер. Сейчас же ЖКК РФ мне категорически не нравится. В него хаотично вносятся разные нормы. Вот, например, зачем там правила об оплате капитального ремонта и все другие вопросы жилищно-коммунального хозяйства? Такими изменениями (к сожалению, это касается не только жилищного права) девальвируется само понятие закона. В законах закрепляются какие-то управленческие решения, они становятся похожими на инструкции. И тенденции к улучшению этой ситуации я пока не вижу.

— Вы упомянули капремонт, и действительно звучит разумно, что собственники должны за него платить. Но справедлива ли норма, в соответствии с которой в случае, если жилье пришло в аварийное состояние, государство предоставляет собственнику взамен иное жилье? То есть если ремонт требуется, то собственник сам оплачивает, а если ремонт уже невозможен, то государство частному собственнику дает новое жилье? Разве это нормально?

— Мне бы очень хотелось поддержать эту позицию, но не смогу. Как раз эта модель кажется правильной, а вот в ЖКК РФ указано, что по общему правилу гражданину выплачивается стоимость, т.е. дают прежде всего деньги, а не другое жилье взамен ветхого или изымаемого, но по соглашению сторон может быть предоставлено другое жилое помещение. Таким образом, формально гражданин может требовать денежную компенсацию, другое жилье он потребовать не сможет. На практике предоставляется именно другое помещение, поскольку компенсации не хватит на приобретение нового жилья. Мне как раз практика предоставления другого жилья кажется более человеколюбивой. Платят за это удовольствие застройщики, а они свое всегда отбьют. При этом у собственников нежилых помещений в том же доме вообще нет альтернативы.

— Сейчас изменения происходят и в юридическом образовании. Нужно ли там что-то менять?

— Для меня это не вопрос. Когда-то мы перешли на Болонскую систему, но я в ней ничего хорошего

не вижу. Мне специалитет ближе, может быть, потому что я сам учился так. Но то, что нам нужно уходить от системы бакалавриата и магистратуры, это точно. Пусть будет не специалитет, что-то другое, но очевидно тут требуются изменения. Хотя вспоминается известное выражение: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен». Я за последние тридцать лет преподавания не помню года, чтобы не было каких-нибудь изменений в планах, программах, дисциплинах и т.п. Это, конечно, очень тяжело преподавателю, который превращается в составителя программ из ученого.

— Можно ли сейчас говорить о наличии научных школ в праве, уральской, московской, питерской, саратовской?

— Сложно сказать. Я могу точно сказать, что в Москве сейчас не одна школа. Школа потому и школа, что чем-то отличается от других учений, идей. Допустим, где-то больше любят рассуждать о трансцендентном в праве, где-то делают акцент на практических аспектах, где-то на теории или истории. Цивилистические школы могут различаться глубиной погружения в сравнительное правоведение. Школа всегда там, где появился какой-то лидер и она вокруг него сформировалась. В основу школы ложатся какие-то общие идеи, принципы, понимания. В качестве примера я могу привести О.А. Красавчикова, который в 1951 году под руководством Б.Б. Черепахина защитил кандидатскую диссертацию «Юридические факты в советском граж-

данском праве» и в дальнейшем вокруг него сформировалась школа. Последующие работы ученых в этой школе развивали отдельные аспекты проблем юридических фактов.

— Получается, что школы тогда должны носить персональные имена, а у нас они сформированы по географическому принципу. Не кажется это Вам странным?

— Нет, это не странно. Так как в разных городах и вузах много ярких ученых было и есть. Например, у Флейшиц учились Туманов, Маковский, Дозорцев; в Казани были Мейер, Шершеневич. Школа — это коллектив. И если называть школу чьим-то конкретным именем, получается вроде как ранжирование вклада в развитие школы. Поэтому и принято делить школы по местонахождению коллектива, географическому признаку.

— Что в юриспруденции для Вас сейчас представляет интерес? Какое направление, вопрос в гражданском праве Вам кажется наиболее важными для развития и изучения?

— Мне кажется важным в гражданском праве все, что имеет значение для жизни каждого отдельного человека. Мы, к сожалению, забыли идеи индивидуализма, а право должно служить людям и каждому человеку.^⑩